

DOI: 10.31857/S0869049922040025
EDN: EYBJFC

Оригинальная статья / Original Article

О причинах социальной эксплуатации и перспективах ее исчезновения

© Д.Г. ЕГОРОВ

Егоров Дмитрий Геннадьевич, Псковский филиал Академии ФСИН России (Псков, Россия),
de-888@ya.ru. ORCID: 0000-0001-7122-3699

В статье обосновано, что эксплуатация – это в первую очередь социальный, политический и психологический феномен, и лишь во вторую – экономический. Для понимания феномена эксплуатации требуется адекватная этой задаче антропологическая модель. Приводится критика широко распространенных (и, по мнению автора, неверных) представлений о том, что эксплуатация в рыночной экономике: (а) неизбежна; (б) невозможна; (в) невыгодна. Показано, что для понимания феномена эксплуатации недостаточно как марксистской, так и неолиберальной антропологии. Обосновано, что именно преобладающий тип эксплуатации может служить основой для периодизации человеческой истории. Рассмотрены перспективы построения общества с минимизацией отношений эксплуатации. Сделан вывод о том, что прогресс в уменьшении эксплуатации – это не только вопрос нравственного совершенствования каждого отдельного человека. Экономические и социальные институты могут как легитимизировать ту или иную форму насилия, так и, напротив, его системно подавлять.

Ключевые слова: история человечества, кейнсианство, Карл Маркс, мораль, неравенство, прибавочная стоимость, эксплуатация, экономическая теория, Дэвид Юм

Цитирование: Егоров Д.Г. (2022) О причинах социальной эксплуатации и перспективах ее исчезновения // Общественные науки и современность. № 4. С. 16–32. DOI: 10.31857/S0869049922040025, EDN: EYBJFC

On the Reasons for Social Exploitation and the Prospects for Its Disappearance

© D. EGOROV

Dmitry G. Egorov, Academy of the FPS of Russia (Pskov branch) (Pskov, Russia), de-888@ya.ru

Abstract. This article reasons that exploitation is foremost a social, political and psychological, and only then an economic phenomenon. For an adequate understanding of the phenomenon of exploitation a modification of both Marxist and neoliberal anthropological models of man is required. The article criticizes three widespread (and, according to the author, incorrect) ideas that exploitation in a market economy is: (a) inevitable; (b) impossible; (c) unprofitable. It is shown that both Marxist and neoliberal anthropology aren't sufficient enough to understand the phenomenon of exploitation. It is justified that the prevailing type of operation can serve as the basis for the periodization of human history. The prospects for building a society with minimizing exploitation relations are discussed. It is concluded that progress in reducing exploitation is not only the problem of the moral improvement of each individual. Economic and social institutions can both legitimize forms of violence and, on the contrary, systematically suppress it.

Keywords: David Hume, exploitation, economic theory, human history, inequality, Keynesianism, Karl Marx, morality, surplus value

Citation: Egorov D. (2022) On the Reasons for Social Exploitation and the Prospects for Its Disappearance. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 16–32. DOI: 10.31857/S0869049922040025, EDN: EYBJFC

Что можно считать главной проблемой современности? Недостаточно высокие темпы роста технологий? Проблемы экологии? По результатам опроса 2017 г., проведенного Международной Конфедерацией профсоюзов в 17 странах мира, большинство людей считает, что главная мировая проблема – рост мирового неравенства¹. По мнению автора, главный аспект роста неравенства в мире – проблема эксплуатации.

Сразу следует отметить: эксплуатация не всегда предполагает, что «богатые угнетают бедных». Рост неравенства и эксплуатации, как правило, связаны между собой, но различны. Беженец, который живет на пособие и не собирается искать работу, отличается в аспекте эксплуатации от рабовладельца, рэкетира или недобросовестного финансиста количественно, но не качественно. В основе поведения и тех, и других лежит стремление что-то взять (у какого-то конкретного индивида или социума), которое существенно превышает желание что-то отдать взамен.

Под эксплуатацией в данной статье понимается присвоение результатов труда других людей безвозмездно или с предоставлением взамен благ существенно меньшей стоимости².

В то же время, как убедительно показал Т. Пикетти, как минимум за последние 200 лет – за исключением 1950–1980-х гг. – рост доходов богатейших 10% населения Земли системно опережал общий экономический рост [Пикетти 2015]. Подобная ситуация не могла бы сложиться, если бы каждый получал доход, строго соответствующий его

¹ Буткалюк В. (2017) Великое разделение: социальное неравенство в эпоху неоллиберализма. *Спільне*. Commons. 13.09.2017. (<https://commons.com.ua/ru/velikoe-razdelenie-socialnoe-neravenstvo-v-epohu-neoliberalizma>).

² Дословно слово «эксплуатация» в переводе с французского означает «использование»: можно говорить об эксплуатации технической системы, природных ресурсов и т.д., однако в настоящей работе речь будет идти об эксплуатации в социальном смысле.

вкладу в общее благосостояние. Можно сделать вывод о том, что вопрос о природе эксплуатации в обществе и проблема роста мирового неравенства тесно связаны.

Существует два принципиальных подхода для объяснения эксплуатации: социально-экономический и морально-этический. Конечно, в социальной жизни все аспекты человеческого бытия связаны между собой, однако какой из них можно считать главным – вполне осмысленный вопрос. Трактовка эксплуатации как следствия господствующих в социуме форм экономических отношений – один из основных тезисов марксизма³. Альтернативную позицию занимает, в частности, Т. Пикетти: «[в проблеме неравенства] следует избегать всякого экономического детерминизма: история распределения богатств всегда имеет большую политическую подоплеку...» [Пикетти 2015, 39]; «неравенство – это прежде всего политика и идеология, а не экономика и технологии... без конкретных идей и идеологий о преобразовании мира материальные и социальные силы сами не знают, в каком направлении двигаться» [Пикетти 2021, 140, 142].

Однако идеология и политика происходят из мировоззрения и ценностей людей, которые их создают и воплощают. В конечном счете, это вопрос о смысле жизни человека.

В настоящей работе автор предлагает обоснование следующих тезисов: 1) эксплуатация – это в первую очередь социальный, политический и психологический феномен, и только потом экономический; 2) для адекватного понимания феномена эксплуатации требуется модифицировать как марксистскую, так и неолиберальную антропологические модели человека.

Эксплуатация неизбежна?

Представления о том, что эксплуатация неизбежно следует из объективных экономических законов (и, соответственно, для ее исчезновения необходимо изменить в первую очередь экономическую систему общества), – один из основных тезисов концепции К. Маркса. Как описание конкретной исторической ситуации европейского капитализма XIX в. утверждение об эксплуатации рабочих, очевидно, можно рассматривать как справедливое. Маркс, однако, считал данный тезис универсальным законом, который действует в любой «капиталистической» экономике, и претендовал на его «научное обоснование».

По мнению автора, «научное» обоснование этого тезиса есть идеологема. Идеологичными (неправомерно обобщенными) можно считать два принятых Марксом принципа: а) стоимость создается только трудом⁴; б) стоимость рабочей силы равна прожиточному минимуму.

В первом утверждении Маркс следует за Дж. Локком и Д. Риккардо (игнорируя альтернативные и гораздо более соответствующие здравому смыслу взгляды У. Петти⁵), а также за собственными философскими установками («сущность стоимости есть отношения между людьми»). Вероятная идеологическая подоплека здесь заключается в том, что при учете стоимости природных ресурсов теорию прибавочной стоимости было бы

³ В ряде работ К. Маркс и Ф. Энгельс, претендуя на «научность» своей концепции, относили мораль наряду с теологией, философией и др. к сфере идеологии (целиком подчиненной интересам господствующих классов): «всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества» [Энгельс 1960]; «коммунисты вообще не проповедуют никакой морали» [Маркс, Энгельс 1955].

⁴ «Силы природы не стоят ничего; они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости» [Маркс 1973, 498].

⁵ У. Петти считал источником стоимости как труд, так и природные ресурсы [Петти 1940].

гораздо сложнее построить, и выводы из нее были бы, вероятно, идеологически не столь однозначными.

Если говорить о втором тезисе, утверждение, что стоимость рабочей силы равна прожиточному минимуму рабочего⁶, при корректной переформулировке должно быть, по мнению автора, следующим: «стоимость рабочей силы не может быть меньше прожиточного минимума». Валовая прибыль после вычета прожиточного минимума работников и всех иных издержек организации производства может быть разделена между капиталистами и работниками в общем случае в любой пропорции. Подобное разделение описывает теория несовершенной конкуренции. Если имеет место олигополия собственников средств производства⁷, они могут присвоить практически всю прибыль. Однако теоретически возможна ситуация, когда монопольное положение занимают наемные работники. Такая ситуация неоднократно создавалась в истории. Речь идет о случаях сильных профсоюзов, наличия у работника(ов) уникальных трудовых навыков, etc. В настоящее время свыше половины людей со сверхвысокими доходами в США (высшие 0,1 %) – не собственники средств производства («капиталисты»), а наемные менеджеры (формально – «пролетарии») [Пикетти 2015, 42; Stiglitz 2012]. Причем здесь вполне уместно говорить именно об эксплуатации: «...бонусы руководителей в финансовом секторе остались высокими даже после того, как стало известно о том, сколько вреда их деятельность нанесла как тем фирмам, на которых они работали, так и обществу в целом» [Стиглиц 2011, 297]. Менеджеры, фактически вредя собственникам своей деятельностью, зачастую не только уходят от ответственности, но даже продолжают эксплуатацию акционеров.

Наконец, и теоретически, и практически возможно прямое вмешательство государства в перераспределение прибыли.

Эксплуатация невозможна?

Реакцией на это «доказательство» Маркса стало «обоснование» Дж. Кларком невозможности эксплуатации при капитализме. В своем суждении Кларк опирается на принцип соответствия доходов от факторов труда их предельной производительности: «Каждый фактор производства получает ту сумму богатства, которую этот фактор создает» [Кларк 2000, 46]. Очевидно, что рассуждения Кларка и его последователей верны для идеализаций «чистого рынка», однако они противоречат здравому смыслу при обращении к реальности.

Различие между схемами Маркса и Кларка можно рассматривать как различие моделей несовершенной и совершенной конкуренции. Тезис Кларка о справедливости рыночного распределения вознаграждения всех участников верен для идеального рынка. Тезис Маркса об эксплуатации рабочих капиталистами верен для случая несовершенной конкуренции, когда баланс сил в значительной степени смещен в сторону капитала (олигополии, монополии или иных форм асимметрии «рыночной силы» участников). Однако и логика Маркса в этом вопросе далеко не идеальна, и, что важнее, его тезис был опровергнут эмпирически: во второй половине XX-го в. в странах Запада уровень жизни огромного количества наемных работников резко возрос. Появилась новая общественная страта – «средний класс», численно ставшая главной частью Западного общества.

⁶ Эта идея также позаимствована у Д. Риккардо – см. об этом, например: [Антони 2008, 82–86].

⁷ Этот частный случай и есть предмет анализа Маркса, хотя во времена Маркса он действительно был слу-
чаем основным.

Эксплуатация невыгодна?

Ряд исследователей выдвигали тезис о том, что эксплуатация в рыночной экономике, будучи выгодной отдельному эксплуататору на микроуровне (тактически), на макроуровне (стратегически) выгоды не несет: «...интересы работника и работодателя противоположны только на уровне отдельного предприятия, или на микроэкономическом уровне. Если же брать макроэкономический уровень... работники выступают еще и покупателями, причем, поскольку они составляют основную часть населения, именно их покупательная способность имеет решающее значение для развития экономики» [Хайтун 2011, 26]⁸.

По мнению автора, рассуждения С. Хайтуна из вышеприведенной цитаты верны с точностью до наоборот: выгоду от увеличения покупательной способности работников могут получать на микроуровне отдельные предприниматели, которые выпускают товары массового потребления. В качестве примера можно привести Г. Форда. Он разработал дешевую модель автомобиля в расчете на массового потребителя, в силу чего был заинтересован в увеличении покупательной способности широких слоев населения. Тем не менее, на макроуровне имеет значение совокупный объем платежеспособного спроса – совершенно неважно, кто именно создает этот платежеспособный спрос: 10% богатых потребителей или 80% населения из среднего класса⁹. Представляется очевидно нелепой идея о том, что класс капиталистов в целом что-то выиграет, сначала отдав рабочим часть прибавочной стоимости (которую он ранее присваивал), и затем, приложив дополнительные усилия (организация производства и продажи относительно дешевых товаров массового потребления), вернув эту часть обратно. Рабочие могут увеличить свой совокупный спрос ровно настолько, насколько возросли их зарплаты – откуда же взяться «выгоде»? Страты богатых и сверхбогатых собственников на Западе в результате «кейнсианской революции» 50–70-х годов XX в. стали относительно беднее [Ликетти 2015, 31–33].

Также, если принять эту «кейнсианскую» идею за истину, то возникает вопрос: почему с 80-х гг. XX в. разрыв доходов высшей и средней страт снова начал расти [Ликетти 2015]? Одновременно увеличивается и межстрановое неравенство [Чхан 2018].

Элиты стран «золотого миллиарда» вдруг перестали понимать? Перестали понимать, насколько «выгодно» для них отдавать среднему классу (или/и развивающимся странам) основную часть доходов? Или, может быть, дело в том, что с распадом СССР изменилась ситуация в мире? Соответственно, после холодной войны резко снизилась необходимость в апологетике «западного образа жизни», вместе с чем сократилась и готовность экономической элиты Запада платить за социальный мир¹⁰.

⁸ В процитированной работе авторство идеи приписано Дж. Кейнсу и советникам президента США Ф. Рузвельта; в качестве автора идеи называют также Г. Форда: «...фордистский аргумент о массовом потреблении как двигателе роста. Его стали обсуждать во время Второй промышленной революции...» [Эткинд 2020, 231]; впрочем, аналогичные идеи высказывали многие мыслители и существенно раньше (напр., в XVIII в. это был Д. Дефо [История... 2001, 36–37]).

⁹ Условно говоря, 10 яхт для олигархов стоимостью по 1 млрд. долл. создадут тот же рост ВВП, что и 1 миллион автомобилей стоимостью по 10 000 долл.

¹⁰ «В... первой половине XX в. баланс сил между владельцами капиталов и промышленными рабочими был переопределен мобилизацией профсоюзов и социальной борьбой, большевистской революцией и коммунистической угрозой. Без этих драматических сдвигов баланса сил трудно понять, как в Западной Европе правительства собственников 1914 г. после 1945 г. были заменены социал-демократическими» [Ликетти 2021, 142].

Модели человека в социальных науках

Вышеприведенные примеры демонстрируют, что для объяснения эксплуатации в социуме недостаточно обращения к экономическим отношениям.

Нож на столе никого не делает убийцей *per se*. Найденный кошелек кто-то оставляет себе, а кто-то возвращает хозяину, прилагая для этого усилия. Те или иные формы экономической зависимости (монополия на капитал, природные ресурсы, информацию), также как и формы зависимости физической, необходимы для появления эксплуатации. Второе необходимое условие – этическая позиция обладателя физического или экономического преимущества.

Иными словами, из утверждения «некто X имеет предприятие» не следует «X стремится эксплуатировать работников» – это запрещает известный принцип Юма¹¹. Здесь требуется дополнительное условие: «X стремится получить максимум прибыли любым доступным ему способом». И именно это условие будет определяющим: человек с такой системой ценностей стремится получить как можно больше, а отдать как можно меньше, в любой ситуации (если у него не будет собственности, он станет профессиональным нищим или вором).

Марксизм (и любое другое панэкономическое объяснение эксплуатации) подразумевает, что главная причина эгоистической системы ценностей – наличие собственности. Данное утверждение – не более чем философская гипотеза, которая находится в серьезном разладе с фактами¹². Следовательно, можно сделать вывод о том, что экономические отношения (в том числе институт собственности) – это инструмент для эксплуатации, а не ее первопричина. Источником эксплуатации, то есть экономического насилия, так же, как и насилия физического, является человек. Она появляется в результате стремления каких-то конкретных людей достичь богатства и власти любой ценой. Соответственно, вопросы о причине и возможности элиминации эксплуатации есть вопросы о человеческих ценностях. В зависимости от системы ценностей человек эксплуатацию отвергает или оправдывает.

В контексте темы статьи ядро неолиберальной антропологической модели можно представить как тезис о том, что «эгоист, склонный к оппортунизму» (*homo oeconomicus*), и есть сущность человека, а любой альтруизм – в той или иной степени замаскированный эгоизм. В предельно чистом виде такая позиция проявляется в социальном дарвинизме и концепции «экономического империализма». Основоположник последней Г. Беккер выступил с программой построения всего социо-гуманитарного знания (вплоть до теории отношений в семье) на основе модели *homo oeconomicus*: «...экономический подход предлагает плодотворную унифицированную схему для понимания всего человеческого

¹¹ Принцип Юма – утверждение о невозможности вывести этические положения из фактов (эмпирических обобщений). Шотландский философ Д. Юм в своем «Трактате о человеческой природе» заметил, что во всех известных ему попытках вывести моральные нормы из знаний о сущем неизменно присутствуют логические ошибки, а именно: переход от суждений со связкой «есть» к суждениям со связкой «должен» (что логически невозможно) [Юм 1996, 33]. Иными словами, принцип Юма запрещает вид причинного объяснения, в котором причиной морального (ценностного) суждения считается какой-либо факт (описание положения дел в материальном мире). Принцип Юма (известный также как «гильотина Юма») множество раз пытались поставить под сомнение, но ясного опровержения до сих пор никто не смог предложить [Максимов 2012].

¹² Ценности можно воспитать или изменить, но материальные условия при их формировании не являются главным и тем более единственно важным фактором. Так, Ф. Энгельс был капиталистом-собственником, а советские интеллигенты, которые массово поддержали возврат к капитализму в 1980-е гг., собственниками отнюдь не были. Принцип Юма это как раз и запрещает: материальные условия – то, что «есть», а ценности – мир «должного» [Максимов 2012, 141].

поведения... человеческое поведение характеризуется тем, что участники максимизируют полезность при стабильном наборе предпочтений» [Беккер 2003, 32]. Соответственно, идеи коллективизма (социализма) сторонники неолиберальной антропологии трактуют как заговор слабых и неуспешных против сильных, умных и волевых: «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству... За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу – ее сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых» [Амосов 1992]. Иными словами, в конечном счете человеческие ценности сводятся к инстинкту самосохранения (к проявлениям которого относятся алчность, эгоизм), а разница в социальных предпочтениях связана с разницей волевых и интеллектуальных потенциалов¹³.

Согласно марксизму, человека к эксплуатации принуждают общественные условия: необходимость работать ради выживания, с одной стороны, и классовая позиция (наличие частной собственности) – с другой. По мере развития технологий труд будет все меньше порабощать человека (свободное время будет увеличиваться), а исчезновение частной собственности (вследствие научно-технического прогресса) окончательно уничтожит базу для эксплуатации. Какая модель человека подразумевается в этих рассуждениях? С одной стороны, для классового общества по умолчанию принимается модель *homo oeconomicus*, которая после обобществления собственности сразу меняется на модель человека альтруистического. Складывается следующая картина: человек по природе альтруист (непонятно почему – ведь он происходит от стайных приматов), однако в результате прогресса знаний и технологий появляется прибавочный продукт (теоретическая возможность эксплуатации), в результате чего человек становится эксплуататором-эгоистом (реализует теоретическую возможность эксплуатации). Однако в результате дальнейшего роста технологий общество меняется, и люди преобразуют социальные институты так, чтобы эксплуатация стала невозможна (и исчезло само желание эксплуатации). Противоречащий принципу Юма постулат зависимости и полной выводимости морали (человеческой мотивации) от общественных отношений, по мнению автора – причина утопичности антропологии марксизма¹⁴.

В рамках неолиберальной модели («разумный эгоист», животное с разумом) альтруизм трактуют как следствие осознания выгод долгосрочного сотрудничества [Полтерович 2015; Хайтун 2011]. Автор считает, что в рамках такой модели невозможно представить, что эксплуатация исчезнет. Инстинкт самосохранения у стайных приматов проявляется не только в желании запастись (продукты, деньги), но и – что важнее – в борьбе за место в иерархии, за доминацию (инстинкт иерархического доминирования). Для индивида с сильной примативностью¹⁵ критически важно не просто «иметь много», а «иметь больше соседа». Кооперация в рамках группы (страны, нации) возможна, но лишь с целью заво-

¹³ Автор согласен, что некоторые «сторонники социализма» имеют именно такую мотивацию (и по сути предстают теми же эксплуататорами, но с ограниченными возможностями реализации своих стремлений). Однако он выступает категорически против того, что таковыми являются все сторонники эгалитаризма. Таким образом, проблема социального иждивенчества, по мнению автора, а) действительно значима; б) по сути, есть та же проблема эксплуатации (эксплуатация «снизу»).

¹⁴ Утопичность антропологической модели марксизма проявилась в феномене распада СССР: казалось бы, обобществление средств производства должно было автоматически привести к появлению «нового человека» (социально-экономическая база для эксплуатации исчезла). Однако в реальности во второй половине XX в. значительная часть элиты СССР стали сторонниками конкурентного общества.

¹⁵ Примативность – степень влияния инстинктивных мотиваций в поведении человека [Протопопов 2020, 51]; применительно к социально-экономической сфере: «...чем больше в человеке животной сущности (инстинкта эгоистического доминирования, инстинкта присвоения по рангово-силовому критерию), тем он более примативен...». В: Игорь Герасимов. Социализм и «природа человека»: убить в себе зверя. Махпарк. 15 января 2012. (<http://maxpark.com/community/1218/content/927515>).

евать превосходство над другими группами: инстинкт иерархического доминирования требует не просто пищи и безопасности, но и ощущения превосходства (которое зачастую оказывается важнее пищи и безопасности)¹⁶. Соответственно, в рамках либерализма (эгоизм индивидуальный) и фашизма (эгоизм коллективный) эксплуатация, может быть, будет принимать более гуманные формы, но приспособленные, «эволюционно успешные» (сильные и умные) особи всегда будут выше остальных. Какие-то формы социальной иерархии, маркируемые демонстративным потреблением, будут присутствовать в любом случае, так как инстинкт самосохранения в модели *homo oeconomicus* и есть главный побудительный мотив человека.

Таким образом, и в первом, и во втором случае идея общества с жестким ограничением любых форм эксплуатации – утопия: для почитателей К. Маркса и И. Ефремова – прекрасная, для неолибералов – антиэволюционная (регрессивная).

Однако идеи о том, что мораль есть производное от разума, и поэтому она либо автоматически меняется вместе с изменением социума (технологий, экономических отношений) [Маркс 1960], либо создается философами и религиозными реформаторами относительно независимо от процессов в экономике [Лопнер 1992, 96] – это философские гипотезы, а не научный факт.

Автор же считает (в том числе в соответствии с принципом Юма), что разум не создает ценности – он выступает инструментом для их достижения¹⁷. Диалектической оппозицией животному (инстинктивному) началу в человеке является не разум, а моральное чувство (нравственное чувство, совесть, чувство единства с миром).

Данное чувство – первичный фактор психики, который нельзя свести к разуму или чему-либо еще¹⁸. Его смысл – в защите единства (семьи, социума, в пределе человечества и мира в целом). Конфуций назвал этот первичный импульс «жэнь» (человеколюбие) [Люй 2021], И. Кант – «категорическим императивом»¹⁹. На уровне обыденного знания такой импульс именуется совестью. Соответственно, мораль можно считать отражением этой первичной реальности души в форме обычаев, максим, моральных заповедей, в конечном счете – этических и правовых систем (юридическое право – кодифицированная и формализованная защита морали государством).

¹⁶ Довольно часто можно встретить утверждение, что «рынок» якобы требует бесконечной экспансии. По мнению автора, рынок (сам по себе) ничего не требует; бесконечная экспансия возникает из-за инстинкта иерархического доминирования, который мотивирует конкретных участников рынка. Он (в отличие от голода и жажды) не имеет никакой естественной верхней границы насыщения.

¹⁷ Так, разум *per se* не меняет существа биологической эволюции (конкурентной борьбы). Более того, разум потенциально увеличивает масштаб насилия. Начав производить искусственные орудия, наши предки нарушили эволюционный баланс между естественной вооруженностью диких животных и инстинктивным ограничением внутривидовых убийств. Убойная мощь каменных орудий превзошла уровень инстинктивного торможения агрессии, и доля смертоносных конфликтов стала несовместимой с дальнейшим существованием вида. Выживание требовало дополнительной (отличной от биологических инстинктов) коллективной регуляции – то есть того, что сейчас именуется словами «нравственность», «мораль» [Назаретян 2015, 758].

Также стоит отметить, что преступник может быть очень умен. Наконец, Освенцим и Хиросима с рациональной точки зрения есть целесообразное и разумное решение задачи массового уничтожения людей.

¹⁸ В настоящей работе автор не обсуждает вопрос происхождения морали – это отдельная, важная и сложная тема. автор лишь констатирует, чем мораль не является (к чему не может быть сведена). «Как бы ни определять мораль, совершенно очевидно, что она не сводится к знаниям... Она укоренена не в разуме или, по крайней мере, не только в разуме» [Гусейнов 1999, 246]. По И. Канту, разум действует в феноменальном мире, а мораль – выход в мир ноуменов [Кант 1994].

¹⁹ Одна из предложенных Кантом формулировок категорического императива: «...человек и вообще всякое разумное существо существует как цель сама по себе, а не только как средство для любого применения со стороны той или другой воли» [Кант 1994, 204].

Мораль представляет собой альтернативную основу структуризации социума: не на принципе конкуренции, а на принципе кооперации («мы» важнее «я»), что и меняет сущность социальной эволюции по сравнению с эволюцией биологической: в дополнение к мотиву конкуренции (борьба за существование) появляется мотив кооперации²⁰.

Значит ли вышеизложенное, что автор считает модель homo oeconomicus неверной? Она – частный случай представленной (более общей) модели. Homo oeconomicus – это модель человека с приоритетом инстинктивной мотивации: моральное чувство у него не развито и/или подавлено инстинктом самосохранения.

Все мировые религии (и многие психологические концепции) считают переход от животнo-инстинктивной мотивации к моральной целью индивидуального развития²¹. При проекции на социум данному вектору соответствует исторический тренд уменьшения степени эксплуатации. Имеет ли такой тренд место в обществе?

О периодизации истории (существует ли моральный прогресс?)

Можно ли вообще говорить об общественном прогрессе? «...Спор о реальности или иллюзорности общечеловеческой истории может быть переведен в новое содержательное русло за счет выделения и систематизации конкретных векторов. Если наличие хотя бы одного «сквозного» вектора будет доказано, то придется признать единство и преемственность истории...» [*Назаретян 2001, 76-77*]. А.П. Назаретян выделил 5 сквозных векторов роста:

- 1) вектор технологической мощи: от палеолита до современности энерговооруженность человечества возросла на 12-13 порядков;
- 2) демографический: в долгосрочном плане население Земли увеличивалось. Сегодня численность людей превышает численность диких животных, сравнимых с человеком по размерам тела и по типу питания, на 5 порядков [*Капица 2012, 30-31*];
- 3) вектор организационной сложности: если в палеолите существовали только группы числом от 5 до 80 человек, то сегодня лишь мизерный процент людей существуют вне государственных образований;
- 4) вектор социального и индивидуального интеллекта: когнитивной сложности интеллекта, накопления знаний и технологий их обработки;
- 5) вектор совершенствования культурно-психологических механизмов сдерживания агрессии: развитие морального и правового сознания, совершенствование форм внешнего – в том числе полицейского – контроля [*Назаретян 2001, 78-99*].

Здесь следует обратить внимание на следующее: первые три глобальные тенденции (векторы роста), в сущности, можно считать функциями четвертой. Демографический рост есть следствие роста технологического и организационного (расширение экологи-

²⁰ Конечно, автор не первым высказывает этот тезис: «[если] между биологической и социальной жизнью принципиальной инверсии в развитии нет ... идет принятие модели человека как особого вида животного (политического животного или животного, производящего орудия труда). Именно эта антропологическая модель была взята за основу западного проекта. Если человек – один из типов животного, то биологическая борьба («борьба за существование») имманентна его природе. Совершенно другая проекция на социальную сферу следовала из принятия салтационной (революционной) версии развития... Социальная жизнь выстраивается иначе, чем биологическая» [*Багдасарян 2013, 126-127*].

В конечном счете все идеологии можно разделить на два класса – индивидуалистические и коллективистские, что отражает существование у человека двух главных мотивов поведения.

²¹ В конфуцианстве это развитие «жэнь» (человеколюбия), в христианстве – увеличение любви, то есть чувства единства: с другими людьми, миром в целом, и Первоисточником мира (Богом).

ческой ниши, см. [Каница 2012]), а рост технологический и организационный, в свою очередь, происходит вследствие роста интеллектуального.

Напротив, вектор (5), по мнению автора, нельзя целиком редуцировать к (1–4).

Иными словами, прогресс в истории человечества имеет два аспекта, которые не сводятся друг к другу и даже могут идти в противоположных направлениях: интеллектуальный (технологический, экономический) и этический²².

Человеческую историю можно делить на периоды (эры, формации, цивилизации, мир-системы и др.) по самым разным основаниям: основному производственному ресурсу, преобладающему типу собственности и т. д. (см. обзор в [Крадин 2008]). В аспекте данной работы как основание для периодизации истории человечества избраны преобладающие формы эксплуатации.

В рамках предложенной концепции выделяются три принципиальных периода человеческой истории: 1) период господства физического насилия; 2) период экономического насилия; 3) период (по состоянию на сегодня – в значительной степени гипотетический) минимизации любых форм эксплуатации.

В аспекте заданной темы такие формации, как рабовладельческий строй, феодализм и азиатский способ производства представляют собой общества с институтами эксплуатации на основе систематического применения (угрозы применения) прямого физического насилия. «Искони уже так повелось на свете, что более слабый должен подчиняться сильнейшему» [Фукидид 1999, 46].

Продолжая классификацию, автор определяет «капитализм» как общество, где прямое физическое насилие запрещено и существуют эффективные институты его подавления: «право сильного» (в буквальном, физическом аспекте) перестают признавать как «естественное». Однако при капитализме легитимизировано насилие экономическое – и юридически, и идеологически («у кого много денег – того любит Бог»: см. [Вебер 1990]).

Определение «капитализма» через экономические категории (в первую очередь через категорию «рынка») автор считает неудачным. Капитализм – если понимать под ним «рыночные» товарно-денежные отношения – существует тысячи лет²³. В экономическом плане, как неоднократно отмечали, например, Ф. Бродель и И. Валлерстайн, «капитализм – это “антирынок”» [Валлерстайн 2006, 77]: смысл деятельности капиталиста – получить сверхприбыль через монополию, то есть в уходе от свободного рынка²⁴.

²² Данный рост, конечно, можно надежно фиксировать только в большом масштабе, то есть на интервалах в тысячелетия: в отдельных регионах и/или на протяжении десятков/сотен лет может наблюдаться и регресс одного или обоих главных векторов развития человечества.

²³ Так, утверждение Маркса, что переход от формулы «товар-деньги-товар» к развитой форме торговли «деньги-товар-деньги» происходит только при «капитализме» [Маркс 1960], фальсифицируется уже при обращении к тексту Евангелия (а это не только священный, но и исторический документ): «...призвав же десять рабов своих, дал им десять мин и сказал им: употребляйте их в оборот ... Пришел первый и сказал: господин! мина твоя принесла десять мин. И сказал ему: хорошо ... Пришел третий и сказал: господин! вот твоя мина, которую я хранил... - для чего же ты не отдал серебра моего в оборот, чтобы я, придя, получил его с прибылью?» [Лук 19: 13–23]. О том, что страсть к наживе ради наживы появилась (как массовое явление) отнюдь не с появлением европейского капитализма Нового времени, свидетельствует также и Аристотель: «...все занимающиеся денежными оборотами стремятся увеличить количество денег до бесконечности» [Аристотель 1984, 393]. О свободном найме рабочей силы как о массовом явлении свидетельствует также Евангелие: «вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой и, договорившись с работниками по динарию на день, послал их в виноградник свой; выйдя около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище праздно...» [Мат 20: 1–3].

²⁴ По сути, идеальный рынок дает распределение ресурсов, идентичное идеальному плану. По этой причине некоторые экономисты осуждают неоклассические модели идеального рынка как путь к централизованной экономике [Автономов 2014, 55].

Что привело к переходу от феодализма к капитализму? Технический прогресс? В том числе. Однако догма экономического детерминизма (формационного подхода), которая гласит, что с усложнением технологий труд рабов и крепостных становится невыгодным, а выгодно становится эксплуатировать людей юридически свободных, представляется идеологическим клише, которое в существенной степени противоречит фактам. Так, эксплуатация рабского труда на плантациях США и Южной Америки и в середине XIX в. была экономически весьма выгодна [Fogel 1989]. Вызывает сомнения представление о том, что труд на английской мануфактуре XVII–XVIII вв. требовал более высокого интеллектуального и образовательного уровня, нежели работа в сельском хозяйстве.

Представляется, что гораздо более важную роль сыграл прогресс в области огнестрельного оружия (вынесем пока прогресс морали как таковой за скобки). Феодализм стал уходить в прошлое, когда буржуа-пехотинцы (первыми здесь были гуситы) получили техническую возможность расстреливать рыцарскую конницу из ружей: системное военное превосходство феодалов (в сущности, конных бандитов) над крестьянами и горожанами стало исчезать. Такая трансформация открыла дорогу для политической реализации гуманистических идей, появившихся существенно раньше (и отнюдь не из-за роста технологий).

В то же время резкая граница между «феодализмом» и «капитализмом», если рассматривать историю на больших временных интервалах²⁵, отсутствует: в капитализме последних 200 лет по-прежнему огромную роль играет и силовое доминирование (см.: [Кляйн 2011; Чхан 2018]).

Об определении понятия «социализм»

Общество, где отсутствуют (системно подавляются) любые формы эксплуатации, назовем социализмом.

Существует два принципиальных подхода к определению социализма: через цели и через методы его реализации. Определение автора близко к представленному в Википедии: «социализм это политическая, социальная и экономическая философия, направленная на реализацию социального равенства и социальной справедливости...».

Определение через методы (общественная собственность на средства производства и планирование экономики – главные и даже необходимые элементы социализма) принято в марксизме. В том же духе определяет социализм Энциклопедия Британника: «Социально-экономическая доктрина, которая призывает к общественной, а не частной собственности или контролю над собственностью и природными ресурсами»²⁶. Представляется, что определение социализма через экономические категории (собственность, планирование) неудачно, потому что цель социализма в нем подменяется средствами: «...действительная цель социализма состоит именно в том, чтобы преодолеть “грабительскую фазу” в развитии человечества и пойти вперед» [Einstein 2009].

Автор считает, что, как и в случае с границей между феодализмом и капитализмом, нет и резкой границы капитализм-социализм. Любое системное ограничение возможностей экономической эксплуатации есть сдвиг к социализму: это и антимонопольные

²⁵ Такая резкая граница может быть в каком-то отдельном регионе, например, во Франции («до» и «после» Великой французской революции).

²⁶ Socialism. Britannica. (www.britannica.com/topic/socialism).

законы, и прогрессивный подоходный налог, и налоги на наследство, на роскошь²⁷, и национализация частной собственности (в сочетании с планированием экономики)²⁸.

Однако и ликвидация частной собственности, и планирование экономики (как и любые иные средства) сами по себе не гарантируют справедливость: планирование может осуществляться как в интересах большинства, так и меньшинства населения. Возможно существование как эгалитарного общества с частной собственностью и перераспределением права на получение дохода от титульных владельцев в пользу общества в целом²⁹, так и элитарного с общественным владением собственностью на средства производства при олигархической приватизации доходов³⁰. Экономические решения сами по себе должны быть, в первую очередь, эффективны: при минимуме затрат давать максимальный полезный продукт³¹.

Заключение

Какой практический смысл присутствует в рассуждениях, представленных в данной статье?

²⁷ А.В. Бузгалин предлагает в качестве индикаторов меры социализации капитализма использовать долю общественных благ в ВВП, а также соотношение коэффициентов Джини до и после уплаты налогов [Бузгалин 2018, 19-23].

²⁸ Авторское понимание социализма, таким образом, включает в себя и социализм в марксистской интерпретации, и анархизм, и социальный либерализм: «Социальный либерализм не имеет никаких предубеждений против государственного вмешательства, он может мыслить и поступать “интервенционистски”, он не отрицает а priori ни “коллективную собственность”, ни “публичное вмешательство” и т.п. Все это для него – вопросы выбора средств для достижения “достойного человеческого существования” всех членов общества...» [Струев 1999] (см. также: [Полтерович 2015, 42-44]).

²⁹ Скандинавский и американский «рыночный социализм» второй половины XX в. («общество трансферта»). Собственно, возможны (и реализованы в XX-м в. фактически) все четыре сочетания («собственность» vs «планирование»):

1) экономика «рыночная» с господством частной собственности (теоретическая модель: «идеальный рынок», конкретный пример: Сингапур конца XX в.);

2) экономика «плановая» с господством частной собственности (теоретическая модель: межотраслевой баланс, конкретный пример: США второй половины XX в. – см., например [Федорович, Патрон, Заварухин 2002]);

3) экономика «рыночная» с существенно государственной собственностью на средства производства (теоретическая модель: рыночный социализм О. Ланге [Lange, Taylor 1938], конкретный пример: Югославия 70-х гг. XX в.);

4) экономика «плановая» с существенно государственной собственностью на средства производства (теоретическая модель: межотраслевой баланс, конкретный пример: СССР).

Любая экономическая система представляет собой рынок, дополненный какими-то институтами. С точки зрения институционального подхода, планирование – один из институтов, имеющийся в любой «рыночной» системе: как на микро- (любая фирма – остров планирования в рыночном море [Coase 1937]), так и на макроуровне.

³⁰ Так, в своих интервью известный в 1990-е гг. олигарх А.Б. Березовский давал следующие рекомендации для «РФ-бизнеса»: «...зачем приватизировать предприятия? Следует приватизировать идущие через них финансовые потоки...». Впрочем, на эту тему писал и А. Эйнштейн: «...плановая экономика – это еще не социализм. Плановая экономика как таковая может сопровождаться полным порабощением личности. Достижение социализма требует разрешения некоторых исключительно сложных социально-политических проблем, например: как с учетом далеко идущей централизации политической и экономической власти предотвратить превращение бюрократии в силу, обладающую всей полнотой власти?» [Einstein 2009].

³¹ Такой прагматичный подход к экономике демонстрирует, например, в последние десятилетия руководство КНР. Китай зачисляют и в капиталистические государства, и в социалистические. На уровне экономического ответа на этот вопрос, по мнению автора, нет: в основе классификации должен быть не доля частных предприятий и не количество бирж, а цели руководства страны. В Китае официально провозглашена социалистическая цель: ликвидация бедности через построение «сяокан» – общества средней зажиточности [Люй 2022, 8]. Соответственно, рыночный сектор экономики – это инструмент ее реализации.

Автор считает, что оценить то, какое общество лучше/хуже – «капитализм» или «социализм» – возможно только при предварительном определении базовых ценностей. Если некто считает смыслом жизни максимальное (и демонстративное) потребление, очевидно, что он выберет конкурентное общество с возможностью эксплуатации. Если же индивид считает базовой ценностью чувство справедливости, для него желательным обществом будет социалистическое.

Важно отметить, что тренд на уменьшение социальной эксплуатации: а) объективно фиксируется в истории («... существует долгосрочная тенденция к большему равенству» [Ликетти 2021, 140]); б) желателен с точки зрения большей части человечества. Если мы признаем тренд на уменьшение эксплуатации прогрессом, из этого следует, что последние 50 лет в мире наблюдался социальный регресс (неолиберальная революция 70-х гг. XX в. была контрреволюцией).

Автор считает, что для понимания феномена эксплуатации значима принимаемая антропологическая модель. Может показаться, что на практике важен не источник морали, а то, насколько люди ей следуют. Здесь следует отметить, что принимаемую антропологическую модель саму можно считать моральным фактором: утверждение, что инстинкт самосохранения и есть сущность человека, подталкивает к моральному оправданию эгоизма.

Представляется, что надежды на то, что «ход истории», «естественный прогресс экономики» и др. сами по себе создадут в конце концов гармоничное общество, в сущности, утопичны. Уменьшение эксплуатации и неравенства в обществе не происходит просто вследствие роста валового общественного продукта, о чем ясно свидетельствует динамика роста мирового неравенства после неолиберальной контрреволюции 1970-х гг.

Также утопичны (исходят из не вполне адекватной модели человека) и представления о том, будто для ликвидации эксплуатации достаточно создать соответствующие общественные условия (например, запретить частную собственность).

Тем не менее, нельзя заключить, что прогресс в уменьшении эксплуатации – это исключительно вопрос нравственного совершенствования каждого отдельного человека. Устройство социума (экономические и социальные институты) могут легитимизировать ту или иную форму насилия, а могут, напротив, системно подавлять определенные (или все) его формы. Однако государство и его силовые органы действуют в определенном пространстве ценностей, которые и составляют стержень эволюции социальных систем. Носителями этих ценностей выступают индивиды. В конечном счете будущее человечества есть результирующее совокупности моральных выборов каждого отдельного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов В.С. (2014) Еще несколько слов о методологическом индивидуализме // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 53–56.
- Амосов Н.М. (1992) Мое мировоззрение // *Вопросы философии*. № 6. С. 50–74.
- Аристотель. (1984) *Никомахова этика* // В: Аристотель. *Сочинения в четырех томах*. Т. 4. М.: Мысль. С. 53–293. (<https://www.klex.ru/u32>).
- Аттали Ж. (2008) *Карл Маркс: Мировой дух*. М.: Молодая гвардия. 410 с.
- Багдасарян В.Э. (2013) Бог и эволюция: эволюционная теория в дискурсе цивилизационных проектов // В: *Биологическая и социальная эволюция*. Выпуск 7. М.: Научный эксперт. С. 124–131. (https://rusrand.ru/files/14/08/25/140825102928_gum2012_07.pdf).

- Беккер Г.С. (2003) Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ ВШЭ. 671 с.
- Бузгалин А.В. (2018) Капитал в XXI веке: закон накопления // В: Маркс в эру высоких технологий: глобализация, капитал и классы. Материалы международных научных семинаров. СПб.: ИНИР. С. 13–29.
- Валлерстайн И. (2006) Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего. 248 с.
- Вебер М. (1990) Протестантская этика и дух капитализма // В: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 61–272.
- Гусейнов А.А. (1999) Мораль и разум // В: Разум и экзистенция: Анализ научных и венаучных форм мышления. СПб.: РХГИ. С. 245–262.
- История экономических учений (2001) Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, В. Макашевой. М.: ИНФРА-М. 784 с.
- Кант И. (1994) Критика практического разума // В: Кант И. Сочинения в восьми томах. Т. 4. М.: Чоро. С. 373–565.
- Капица С. (2012) Парадоксы роста: Законы глобального развития человечества. М.: Альпина нон-фикшн. 204 с.
- Кларк Дж.Б. (2000) Распределение богатства. М.: Гелиос АРВ. 367 с.
- Крадин Н.Н. (2009) Проблемы периодизации исторических макропроцессов // В: История и Математика: Модели и теории. М.: ЛИБРОКОМ. С. 166–200.
- Кляйн Н. (2011) Доктрина шока. М.: Добрая книга. 656 с.
- Люй Ц. (2021) Политические мысли Конфуция в книге «Лунь Юе» // Международный научно-исследовательский журнал. № 12-4. С. 9–13. DOI: 10.23670/IRJ.2021.114.12.117.
- Люй Ц. (2022) Конфуцианское высшее идеальное общество, «Общество Датун» // Международный научно-исследовательский журнал. № 1-3. С. 6–9. DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.070.
- Максимов Л.В. (2012) «Гильотина Юма»: pro et contra // Этическая мысль. Выпуск 12. М.: ИФ РАН. С. 124–142.
- Маркс К. (1960) Капитал. Том первый. // В: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. М.: Госполитиздат. 907 с. (<http://www.uaio.ru/marx/23.htm>)
- Маркс К. (1973) Экономическая рукопись 1861-1863 годов // В: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 47 М.: Госполитиздат. 659 с. (<http://www.uaio.ru/marx/47.htm>)
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955) Немецкая идеология // В: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат. С. 7–544. (<http://www.uaio.ru/marx/03.htm>)
- Назаретян А.П. (2001) Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: синергетика, психология и футурология. М.: ПЕР СЭ. 239 с.
- Назаретян А.П. (2015) Мегаистория и ее «загадочная сингулярность» // Вестник Российской академии наук. № 8. С. 755–764. DOI: 10.7868/S0869587315080216
- Петти В. (1940) Экономические и статистические работы. М.: Соцэкгиз. 323 с.
- Пикетти Т. (2015) Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 592 с.
- Пикетти Т. (2021) Капитал и идеология: глобальный взгляд на режимы неравенства // Социологические исследования. № 8. С. 140–153. DOI: 10.31857/S013216250015273-3
- Полтерович В.М. (2015) От социального либерализма к философии сотрудничества // Ответственные науки и современность. № 4. С. 41–64.
- Поппер К. (1992) Открытое общество и его враги. Т. 1. М.: Феникс. 448 с.
- Протопопов А. (2020) Трактат о любви. М.: АСТ. 256 с. (<https://www.klex.ru/go>).
- Стиглиц Дж. (2011) Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо. 512 с.
- Струве П.Б. (1999) Социальный либерализм // В: Струве П.Б. Избр. соч. М.: РОССПЭН. (http://www.yabloko.ru/Publ/2006/2006_05/060522_struve.html).

- Федорович В.А., Патрон А.П., Заварухин В.П. (2002) США: федеральная контрактная система и экономика: механизм регулирования. М.: Наука. 812 с.
- Фукидид (1999) История. СПб.: Наука. 590 с.
- Хайтун С.Д. (2011) Постиндустриальная нравственная революция и ее экономическая (кейнсианская) первооснова // Вопросы философии. № 3. С. 24–35.
- Чхан Х. (2018) Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и секретная история капитализма. М.: Манн, Иванов и Фербер. 256 с.
- Энгельс Ф. (1961) Анти-Дюринг // В: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20. М.: Госполитиздат. С. 1–338. (<http://www.uaio.ru/marx/20.htm>)
- Эткинд А.М. (2020) Природа зла. Сырье и государство. М.: НЛО. 253 с.
- Юм Д. (1996) Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // В: Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль. С. 53–655.
- Coase R. (1937) The Nature of the Firm // *Economica*. No. 5. Pp. 386–405.
- Einstein A. (2009) Why Socialism? // *Monthly Review*. Vol. 61. Issue 01. (<https://monthlyreview.org/2009/05/01/why-socialism>).
- Fogel R.W. (1992) Without Consent or Contract: The Rise and Fall of American Slavery. New York: Norton. 408 p.
- Lange O., Taylor F. (1938) On the Economic Theory of Socialism. Minneapolis: University Of Minnesota Press. 143 p.
- Stiglitz J. (2012) The Price of Inequality. How Today's Divided Society Endangers Our Future. New York: Norton. 452 p.

REFERENCES

- Amosov N.M. (1992) *Moye mirovozzreniye* [My Worldview]. *Voprosy filosofii*. no. 6, pp. 50–74.
- Aristotle. (1984) *Nikomakhova etika* [Nicomachean Ethics]. In: *Aristotle. Sochineniya: v 4 t.* Moscow: Mysl'. vol. 4, pp. 53–293.
- Attali J. (2008) *Karl Marks: Mirovoy dukh* [Karl Marx: World Spirit]. Moscow: Molodaya gvardiya. 410 p.
- Avtonomov V.C. (2014) Yeshche neskol'ko slov o metodologicheskom individualizme [A Few More Words on Methodological Individualism]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*. no. 4, pp. 53–56.
- Bagdasaryan V.E. (2013) Bog i evolyutsiya: evolyutsionnaya teoriya v diskurse tsivilizatsionnykh projektov [God and Evolution: Evolutionary Theory in the Discourse of Civilizational Projects]. *Biologicheskaya i sotsial'naya evolyutsiya*. Issue 7. Moscow: Nauchnyy ekspert. Pp. 124–131. (https://rusrand.ru/files/14/08/25/140825102928_gum2012_07.pdf).
- Becker G.S. (2003) *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod* [The Economic Approach to Human Behavior] Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki. 671 p.
- Buzgalin A.V. (2018) Kapital v XXI veke: zakon nakopleniya [Capital in the 21st Century: the Law of Accumulation]. In: *Marks v eru vysokikh tekhnologiy: globalizatsiya, kapital i klassy*. Saint-Petersburg: INIR. Pp. 13–29.
- Chang H. (2018) *Zlye samarityane. Mif o svobodnoy trgovle i sekretnaya istoriya kapitalizma* [Bad Samaritans. The Free Trade Myth and the Secret History of Capitalism]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 256 p.
- Clark J.B. (2000) *Raspredeleye bogatstva* [Distribution of Wealth]. Moscow: Gelios ARV. 367 p.
- Coase R. (1937) The Nature of the Firm. *Economica*. no. 5, pp. 386–405.
- Einstein A. (2009) Why Socialism? *Monthly Review*. vol. 61, issue 01. (<https://monthlyreview.org/2009/05/01/why-socialism>).

- Engels F. (1961) Anti-Düring. In: K. Marks & F. Engels. *Works*. Vol. 20. Moscow: Gospolitizdat. Pp. 5–338. (<http://www.uaio.ru/marx/20.htm>)
- Etkind A.M. (2020) *Priroda zla. Syr'ye i gosudarstvo* [The Nature of Evil. Raw Materials and the State]. Moscow: NLO. 253 p.
- Fedorovich V.A., Patron A.P., Zavarukhin V.P. (2002) *SShA: federal'naya kontrakt'naya sistema i ekonomika: mekhanizm regulirovaniya* [US Federal Contract System and the Economy: Regulatory Mechanism]. Moscow: Nauka. 812 p.
- Fogel R.W. (1992) *Without Consent or Contract: The Rise and Fall of American Slavery*. New York: Norton. 408 p.
- Guseynov A.A. (1999) *Moral' i razum* [Morality and Reason]. In: *Razum i ekzistentsiya*. St. Petersburg: RkhGI. Pp. 245–262.
- Hume D. (1996) *Traktat o chelovecheskoy prirode* [Treatise on Human Nature]. In: *Hume D. Sochineniya: v 2 t.* Vol. 1. Moscow: Mysl'. Pp. 53–655.
- Istoriya ekonomicheskikh ucheniy* [History of Economic Teachings] (2001) Ed(s): V. Avtonomov, O. Ananyina, V. Makasheva. Moscow: INFRA-M. 784 p.
- Kant I. (1994) *Kritika prakticheskogo razuma* [Critique of Practical Reason]. In: *Kant I. Sochineniya: v 8 t.* Vol. 4. Moscow: Choro. Pp. 373–565.
- Kapitza S. (2012) *Paradoksy rosta: Zakony global'nogo razvitiya chelovechestva* [Paradoxes of Growth: The Laws of the Global Development of Mankind] Moscow: Al'pina non-fikshn. 204 p.
- Khaitun S.D. (2011) Postindustrial'naya npravstvennaya revolyutsiya i yeye ekonomicheskaya (keysnianskaya) pervoosnova [Post-Industrial Moral Revolution and Its Economic (Keynesian) Fundamental Principle]. *Voprosy filosofii*. no. 3, pp. 24–35.
- Klyain N. (2011) *Doktrina shoka* [The Shock Doctrine]. Moscow: Dobraya kniga. 656 p.
- Kradin N.N. (2009) Problemy periodizatsii istoricheskikh makroprotsessov [Problems of Periodization of Historical Macroprocesses]. In: *Istoriya i Matematika: Modeli i teorii*. Moscow: LIBROKOM. Pp. 166–200.
- Lange O., Taylor F. (1938) *On the Economic Theory of Socialism*. Minneapolis: University Of Minnesota Press. 143 p.
- Lu J. (2021) Politicheskiye mysli Konfutsiya v knige «Lun' YUye» [Confucius' Political Thoughts in the The Analects “Lun Yu”]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. no. 12-4, pp 9–13. DOI: 10.23670/IRJ.2021.114.12.117.
- Lu J. (2022) Konfutsianskoye vyssheye ideal'noye obshchestvo, «Obshchestvo Datun» [«Datong», the Confucian Ideal Society]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. no. 1-3, pp. 6–9. DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.070.
- Maksimov L.V. (2012) «Gil'otina Yuma»: pro et contra [Hume's Guillotine: Pro et Contra]. In: *Eticheskaya mysl'*. Issue 12. Moscow: IF RAN. Pp. 124–142.
- Marx K. (1960) Kapital. Tom I [Capital. Volume One]. In: K. Marks & F. Engels. *Works*. Vol. 23. Moscow: Gospolitizdat. 907 p.
- Marx K. (1973) *Ekonomicheskaya rukopis' 1861-1863 godov* [Economic Manuscript of 1861–1863]. In: K. Marks & F. Engels. *Works*. Vol. 47. Moscow: Gospolitizdat. 659 p. (<http://www.uaio.ru/marx/47.htm>)
- Marx K., Engels F. (1955) Nemetskaya ideologiya [German Ideology]. In: K. Marks & F. Engels. *Works*. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat. Pp. 7–544. (<http://www.uaio.ru/marx/03.htm>)
- Nazaretyan A.P. (2001) *Tsivilizatsionnyye krizisy v kontekste Universal'noy istorii* [Civilization Crises in the Context of Universal History]. Moscow: PER SE. 239 p.
- Nazaretyan A.P. (2015) Megaistoriya i yeye “zagadochnaya singulyarnost'” [Megahistory and Its “Mysterious Singularity”]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. no. 8, pp. 755–764. DOI: 10.7868/S0869587315080216
- Petty W. (1940) *Ekonomicheskiye i statisticheskiye raboty* [Economic and Statistical Work]. Moscow: Sotsekgiz. 323 p.

- Piketty T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the 21st Century]. Moscow: Ad Marginem Press. 592 p.
- Piketty T. (2021) Capital and Ideology: A Global Perspective on Inequality Regimes. *British Journal of Sociology*. vol. 72, no. 1, pp. 139–150. DOI: 10.1111/1468-4446.12836.
- Polterovich V.M. (2015) Ot sotsial'nogo liberalizma k filosofii sotrudnichestva [From Social Liberalism towards the Philosophy of Collaboration]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*. no. 4, pp. 41–64.
- Popper K. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Vol. 1. Moscow: Feniks. 448 p.
- Protopopov A. (2020) *Traktat o lyubvi* [Treatise on Love]. Moscow: AST. 256 p. (<https://www.klex.ru/go>).
- Stiglitz J. (2011) *Krutoye pike: Amerika i novyy ekonomicheskiy poryadok posle global'nogo krizisa* [Steep Dive: America and the New Economic Order after the Global Crisis]. Moscow: EKSMO. 512 p.
- Stiglitz J. (2012) *The Price of Inequality. How Today's Divided Society Endangers Our Future*. New York: Norton. 452 p.
- Struve P.B. (1999) Socialniy liberalism [Social Liberalism] In: Struve P.B. *Izbrannie sochineniya*. Moscow: ROSSPEN. Pp. 412–423.
- Thucydides (1999) *Istoriya* [History]. St. Petersburg: Nauka. 590 p.
- Wallerstein I. (2006) *Mirosistemnyy analiz: Vvedeniye* [World-System Analysis: An Introduction]. Moscow: Territoriya budushchego. 248 p.
- Weber M. (1990) Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. In: Veber M. *Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow: Progress. Pp. 61–272.

Информация об авторе

Егоров Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор Псковского филиала Академии ФСИН России. Адрес: 180014, Зональное шоссе, д. 28, Псков, Россия. E-mail: de-888@ya.ru

About the author

Dmitry G. Egorov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Academy of the FPS of Russia (Pskov branch). Address: 28, Zonalnoe shosse, Pskov, 180014. E-mail: de-888@ya.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 07.02.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 13.04.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 20.04.2022